

Неизвестные рисунки

Старинная книга в коричневом переплете с кожаным корешком. По внешнему виду — обычный экземпляр, какой можно увидеть в любом хранилище, в любом книжническом магазине. Но белая наклейка с надписью «Не выдавать!» сразустораживает.

Этот том полного собрания сочинений Жана Батиста Мольера, изданный в 1884 году, недавно посчастливилось обнаружить работникам Ленинградской театральной библиотеки имени А. В. Луначарского. Перелистываем его. На оборотной стороне форзаца карандашный набросок: до сих пор никому совершенно не известный портрет Константина Сергеевича Станиславского. Под рисунком подпись: «Александр Бенуа» и дата «4 марта 1913 года». Текст комедии «Мнимый больной» испещрен множеством карандашных замечаний, вставок, ремарок. А дальше целая серия мольеровских персонажей. И еще один эскиз портрета Константина Сергеевича, сделанный в сентябре 1912 года.

Найденная книга принадлежала художнику Бенуа, который в 1912—1913 годах работал в Московском Художественном театре над постановкой и оформлением комедии Мольера «Мнимый больной».

Режиссером и исполнителем роли Аргана в этом спектакле был Станиславский.

Во время застольных чтот пьесы, долгих бесед с актерами книга превращалась в руках художника в своеобразный альбом зарисовок.

А. АЛМАЗОВ

Ленинград.

ТРИ ВСТРЕЧИ

И. КУДРЯВЦЕВ,
народный артист РСФСР

Это было в 1919 году. Я занимался в драматической школе известного артиста Михаила Александровича Чехова. Однажды Чехов объявил нам, что завтра мы пойдем в 1-ю студию МХТ на дневную репетицию и во время антракта будем представлены К. С. Станиславскому.

И вот мы в уютном фойе, сидим вокруг этого большого седого человека, который в первые секунды смущен не меньше, чем мы, и с интересом и любопытством вглядываемся друг в друга. Лучистые глаза Станиславского чуть прищурены, над ними нависли густые седеющие брови.

— Ну-с, а как они у тебя, Миша,— обращается он к Чехову, ласково улыбаясь полными губами,— дружно живут?

И, не дождавшись ответа, после паузы продолжает.

— Так вот, имейте в виду,— говорит Константин Сергеевич уже нам,— что только тогда будете сильны, когда будете дружно работать. Запомните это на всю жизнь. Только в единении — сила. А как только начнутся самолюбие и тому подобные вещи, так — ко-

нец, ничего не выйдет. Уважайте в другом его талант...

Следующая встреча — за кулисами Художественного театра. У меня в руках портрет Станиславского, который я нарисовал и принес, чтобы Константин Сергеевич подписал на память нашей студии. Тишина, люди ходят на цыпочках, разговаривают шепотом, словно прислушиваясь к спектаклю. Со сцены сходит В. В. Лужский, только что сыгравший Серебрякова, и проводит нас в гримерную К. С. Станиславского.

— Посидите здесь, он еще на сцене, но сейчас придет.

И мы с М. А. Чеховым остаемся вдвоем, сидим молча и неподвижно, затаив дыхание...

Через несколько минут вдали раздается звон колокольчика — это доктор Астров уезжает из имения Серебряковых.

Колокольчик звенит все ближе и ближе — и в гримерную входит Станиславский в гриме и костюме Астрова.

В руках у него колокольчик.

Не взглянув на нас, он опускается на колени, просовывает руку с колокольчиком под кушетку и там продолжает звонить все тише и тише. Потом обхватывает колокольчик рукой, чтобы он уже

больше не звякнул, и, поднявшись, осторожно ставит его на гримировальный столик.

И, словно очнувшись от увлекательного сна, который он только что видел, обращается к нам: — Чем могу быть полезен?

У Станиславского немного усталое, чуть влажное от пота лицо, а глаза блестят тем особенным блеском, какой бывает у человека, только что пережившего большое, радостное волнение.

— Вот вы обещали подписать портрет...— робко говорит Чехов.— А это вот художник, автор...

— Ну-ну, давайте.

Я протягиваю Станиславскому портрет, наклеенный на этот случай на паспарту, и в тот момент, когда Константин Сергеевич бросает взгляд на мою работу, я впервые понимаю, насколько она несовершенна.

Тем не менее Станиславский пишет:

«Чеховской Студии.

Учитесь скорее самому трудному и самому важному: любить искусство, а не себя — в искусстве. Дай Бог вам сил, здоровья и успеха.

К. Станиславский

1919 г. 12 Окт.»

«Тысячам зрителей, идущим по вечерам в театры Нью-Йорка, так же как и Москвы, Рима, так же как и Парижа, Берлина, так же как и Лондона, невдомек, что то, чем они любуются на сцене всех этих театров, начиная от актеров и кончая мизансценами, часто исходит из уроков Станиславского».

Жан Виллар (Франция)

Норрис ХОУТОН,
американский режиссер

ВЕЛИЧ

Мне никогда прежде не приходилось видеть человека, внешностью напоминающего льва. Ростом он почти около двух метров и отлично сложен. У него белоснежные пышные волосы и густые седые свисающие брови. Его огромное, с крупными чертами лицо, кажется, сосредоточило в себе все характерные особенности исполненных им в свое время ролей. Смотря на его руки, воображению рисуются руки Микеланджело, вылепившие Моисея.

Мало кому посчастливится встретить в своей жизни людей, величие которых ощущаешь в первую же минуту встречи с ними. Я знал, что Станиславский принадлежит к таким людям. Его царственная осанка в сочетании с невыразимо мягкой улыбкой и удивительно проницательными глазами инстинктивно вызвала желание склониться перед ним

голову и в то же самое время улыбнуться ему в ответ, вытянувшись во весь свой рост. Он был очень добр и предоставил в мое распоряжение как свое время, так и свой театр.

Войдя к нему, я лишился способности говорить. Было бы дерзостью с моей стороны спрашивать у этого человека о его «трудах», и я смог вымолвить лишь следующее: «Я проехал шесть тысяч миль, чтобы увидеть вас, и вот теперь, когда я здесь, мне нечего вам сказать». Станиславский понял, что мне хотелось ему сказать, и начал беседу.

Через полчаса вошел режиссер и объявил, что оперная репетиция может начаться. Мы вышли из кабинета и через вестибюль прошли в большую, ярко освещенную комнату студии. Она была переполнена солистами и хористами, собравшимися на репетицию «Кармен». Когда вошел Станиславский, все смолкли и

поднялись со своих мест. Пожару солистам с той же старомодной церемонностью, которая бросилась мне в глаза в Художественном театре, он представил меня труппе и затем уселся в широкое кресло. По одну сторону сел режиссер, неподалеку расположился дирижер. Стенографистка заняла свое место — и репетиция началась.

В течение двух с половиной часов, которые длилась репетиция, маэстро был полностью погружен в свой труд, целиком поглощен происходящим на сцене. Наклонялся всем корпусом вперед, сжимая ручки кресла, в котором сидел. Лицо его выражало волнение. Когда одну сцену прорепетировали, он начал беседовать с ее участниками, задавал им вопросы, показывал мизансцены, а затем вышел из комнаты.

Я последовал за ним.

Мы вернулись в кабинет про-

Осенью двадцатого года Константин Сергеевич согласился прочесть цикл лекций для учеников четырех театральных студий.

На этих лекциях-уроках он учил нас ходить, говорить, читать стихи и прозу, носить плащ, кланяться в стиле определенного века, подавать руку даме, двигаться в ритме музыки, и т. д.

Каждый из нас должен был прочесть ему какое-нибудь стихотворение или монолог. Когда очередь дошла до меня, я прочел монолог Марка Антония из шекспировского «Юлия Цезаря», стараясь вложить в него весь свой темперамент.

— Ох, ох, ох,— вздохнул Константин Сергеевич после того, как я закончил. Этот вздох обычно означал, что ему исполнение не понравилось.— Что же вам сказать?...— задумался он.— Вы, кажется, рисуете?— Очевидно, Станиславский вспомнил портрет.— Ну вот, смотрите.— Он взял в левую руку лист белой бумаги, лежавший перед ним на столе, а в правую — карандаш.— Представьте себе, что вам надо на этом листе вот этим карандашом нарисовать какой-то рисунок. А вы вместо этого истыкали весь листок карандашом, демонстрируя мне свой темперамент. В результате вместо рисунка — смотрите, что получилось.— В руках у Станиславского был истыканный лист бумаги.

Позднее, когда я стал актером Художественного театра, я не раз встречался с этим удивительным умением Станиславского применяться к характеру и мышлению того, с кем он в данный момент работал.

«Каждый молодой актер должен желать, пока он еще молод, чтобы ему рассказали о том, что говорит в своей книге Станиславский. ...Книга Станиславского удивительно современна».

Джон Гилгуд (Англия)

И Е

должать беседу за чаем с сухариками и вареньем.

После недолгой передышки репетиция возобновилась. На этот раз солисты пришли в кабинет. Они расположились полукругом и начали репетировать другую сцену.

Было шесть часов, уже спускалась русская ночь, когда захлопнули клавиш, и певцы, откланявшись, ушли. Так закончился первый день, проведенный мною у Станиславского.

Часто хочется узнать, действительно ли так велико то великое, каким оно представлялось по слухам. Подходя впервые к Парфенону, вы волнуетесь — не разочаровал бы он. Парфенон не разочаровывает. Так же и Константин Сергеевич Станиславский.

Отрывок из книги «Московские репетиции». Нью-Йорк. 1936.

КОНЦЕРТ НА ТАГАНКЕ

А. ЗУЕВА,

народная артистка СССР

1918 год. Репетировали дома у Станиславского. Вдруг слышим: громко звонят внизу. Докладывают Константину Сергеевичу: рабочие какие-то пришли, его спрашивают. Он вышел, поговорил с ними, потом нам рассказывает: рабочие говорили ему хорошие, теплые слова, знают они про его большое искусство, а вот близко никогда не видали. И тут же решает Константин Сергеевич: «Давайте организуем концерт! Кто со мной поедет, — рабочие на Таганке в чайной собрались»...

Быстренько составили программу, поехали. В чайной народу битком. Вокруг Станиславского сразу зашумели, решили его качать. Мы перепугались. Константин Сергеевич такой сдержанный, даже церемонный был в обращении и вдруг... под потолок взлетает. Но смотрим: он ничего, улыбается. «Довольно, довольно,— говорит.— Я тяжелый, вы устали». Потом начался концерт. Станиславский читал монолог Фамусова. Кончил — молчание. Он вошел к нам за загородку смущенный. «Вот не приняли меня», — говорит. А тут вдруг такие аплодисменты! Станиславский заулыбался: «Это, наверное, кто-нибудь подговорил, не иначе».

Потом, когда я выступила со своими рассказами из народной жизни и спела «Во субботу день ненастный», тоже много аплодировали. Константин Сергеевич меня поздравил: «Вот у вас успех настоящий. А у меня нет, какой же успех — подстроили!»